

ЛИТОВСКИЕ И РУССКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ПОЛЬСКОМ РЕГИОЛЕКТЕ В ЛИТВЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Вводные замечания

Понятие интерференции в структурной лингвистике связано с языковыми явлениями в условиях многоязычия. Расширение лингвистических исследований, включение в поле зрения современной лингвистики речевой деятельности и коммуникативного сознания, подчеркивание взаимосвязи языка и культуры правомерно приводит к «растяжению» понятия интерференции. Цель нашего доклада – показать на примере польского региолекта в Литве, что в условиях межкультурного взаимодействия лексические вкрапления из других языков исполняют определенные коммуникативные функции и являются отражением социокультурной интерференции.

Интенсивное языковое контактирование в Юго-восточной Литве, которую диалектологи определяют как литовско-польско-белорусское пограничье, наблюдается на протяжении нескольких столетий¹. Однако социальный статус и функции контактирующих языков неоднократно подвергались изменению даже в XX веке.

¹ Русские и поляки – это наиболее многочисленные национальные меньшинства, проживающие в Литве. По данным переписи населения, проведенной Департаментом статистики Литовской Республики в 2001 году (обработка данных проведённой в этом году переписи населения завершится только в июне 2012 г.), поляки составляли 6,74% всех жителей Литвы, а русские – 6,31%. Белорусы составляют 1,23%, а все другие национальности вместе взятые – только 1,32%. Важно отметить, что для расселения как русских, так и поляков характерна территориальная неравномерность. Большинство русских – 89,7% - проживает в городах: в Вильнюсе, Каунасе, Шяуляй, Клайпеде и Висагинасе. Поляки же являются наиболее компактной, учитывая их расселение, национальной группой в Юго-Восточной Литве; около 43% всех поляков живут в столице, остальные в основном проживают в сельской местности в районах, прилегающих к городу Вильнюсу, в так наз. Вильнюсском крае (пол. *Wileńszczyzna*). Как следует из статистики, в двух районах – вильнюсском и шальчининкайском – они даже составляют большинство, соответственно 61,3% и 79,4%. Согласно статистическим данным, родной язык жителей Литвы в основном соответствует национальности, отклонения от этого правила колеблются в границах 5%.

Последнее перераспределение функций разных языков произошло в 1990 г., когда литовский язык обрёл статус государственного, усилилось его изучение в польских и русских школах, был установлен обязательный выпускной экзамен по государственному языку (до сих пор его программа немного отличалась от аналогичной в литовских школах, но согласно принятому в 2011 г. закону в ближайшее время она должна быть унифицирована). Русский же язык из средства межнационального общения на территории бывшего СССР, из преобладающего в общественно-политической жизни, в высшем образовании и науке стал языком одного из национальных меньшинств. В меньшей степени эти события коснулись польского языка, который после второй мировой войны функционировал в сельской местности в форме чистых и смешанных говоров, а также в литературной и разговорной форме с многочисленными региональными особенностями, подвергаясь сильному влиянию русского языка. Демократизация общества, установление близких дипломатических и культурных отношений между Польшей и Литвой, международная защита прав национальных меньшинств – все это привело к увеличению престижа польского субстандарта, который стал восприниматься как один из иностранных языков.

Сферы распространения русского и польского языков в современном литовском обществе во многом схожи – это прежде всего семейно-бытовая, школьная, религиозная (что более характерно для поляков). Расхождения, однако, наблюдаются в численности и тираже средств массовой информации на русском и польском языках: например, в Литве выпускаются только 3 польских газетных издания и 8 русских, среди которых есть также русские варианты литовских газет². Это можно объяснить довольно хорошим знанием русского языка³ представителями нерусского населения и популярностью в этой среде русской массовой культуры (телевидение, фильмы, развлекательная музыка, компьютерные игры), доступ к которой с помощью интернета

² Стоит также заметить, что тираж русских газет значительно превышает тираж польских, а в своей популярности среди читателей они не уступают литовским изданиям. См. <http://www.impressteva.lt/index.php?id=7318>

³ Перепись 2001 года показала довольно большое распространение русского языка: его знание подтвердило 60,3% нерусского населения страны, в то время как знание английского – только 16,9% всех жителей. Надо предполагать, что результаты проведённой в этом году переписи изменят эти пропорции и отразят произошедшую за последнее десятилетие смену установок на знание языков у молодого поколения, которое лучше владеет английским, чем русским.

стал всеобщим. Таким образом, хотя в Литве наблюдается официальная установка на следование западноевропейскому образу жизни, в менталитете жителей Литвы довольно выразительно проявляется тяготение к русской культуре, «зависимость от русской ценностной картины мира» (Лихачёва 2005: 237).

В такой социокультурной общественной среде, в которой большинство населения, кроме родного, знает ещё 2-3 других языка, повседневным и повсеместным является переключение с одного языка на другой. Кодовые переходы обычно обусловлены изменением какого-нибудь компонента речевого акта, прежде всего адресата, иногда – темы разговора или коммуникативной ситуации. Однако мы сталкиваемся и с другим явлением – сознательным использованием в непринужденной разговорной речи полилингвов на одном языке лексических элементов других языков, которые принято называть лексическими вкраплениями.

Объектом анализа послужил материал собранный в 2008-2009 г. на читательском форуме интернетного издания ежедневной газеты «Курьер виленски» (пол. *Kurier Wileński*), выходящей на польском языке. На этом форуме высказываются не только местные читатели, но и читатели из Польши. Высказывания первых из них можно узнать по содержанию, некоторым языковым особенностям и использованию вкраплений из русского и литовского языков. По своим стилистическим свойствам эти комментарии представляют собой свободную разговорную речь, зачастую насыщенную экспрессивной окраской.

Формальная характеристика иноязычных вкраплений

В устной речи иноязычные вкрапления маркируются прежде всего оригинальным произношением, сохраняя характерные для чужого языка фонологические черты. Для их маркировки в письменном виде можно использовать графические средства: оригинальный алфавит, кавычки, метаязыковые выражения, изменение шрифта. Поскольку переключение алфавита на клавиатуре – занятие требующее времени, то среди собранных иллюстраций мы наблюдаем только один пример использования кириллицы (см. прим. 2), которое, кстати, становится причиной разных ошибок. В основном вкрапления маркируются с помощью кавычек. Иногда вводятся метаязыковые выражения *jak po rosyjsku mówią* «как говорят по-русски», *rosyjskie powiedzenie* «русская поговорка», *rosyjskie przysłowie* «русская пословица» (см. прим. 5, 14, 15), в одном случае применяются прописные буквы (см. прим. 4).

Анализируемый материал показывает, что объём иноязычных вкраплений выходит за рамки лексической единицы. Это могут быть не только отдельные лексемы и фразеологические единицы, но также паремии и другие свободные словосочетания. Как вкрапления часто используются крылатые слова и другие прецедентные тексты, например, слова из популярных фильмов, произведений, стихов или песен. Причём они могут приводиться в канонической форме или подвергаться перефразированию. Перефразирование может быть неосознанное – как в примере 1 – в котором по аналогии с польским языком предлог *po* после подменён предлогом *po*, срав.:

[1] *Zapomniałeś o Szttyrlicu. A oglądałeś „Balladę o żołnierzu” albo „Los człowieka”?* ***Ja tożе pa pierwom nie zakusywaju*** (русс. *после первого стакана не закусываю* – крылатая фраза из фильма по рассказу М. Шолохова «Судьба человека»)

Чаще всего однако – как в примере 2, в котором мы имеем дело с фразеологической инновацией – перефразирование является сознательным творческим процессом, своего рода языковой игрой, срав.:

[2] ***„С грязи в князи, с князи в грязь”*** – *poziom życia na Litwie ostatnich 20 lat* (русс. *из грязи в князи*)

Так как литовские поляки являются полилингвами, то в их речи на родном языке можно наблюдать одновременное использование вкрапления из двух разных языков, например:

[3] *Poprzez tę dygresję chciałem powiedzieć, że w całej tej hecy nie ma „pažeidimo įvykio ir sudėties”, tu w ogóle nie było żadnego naruszenia prawa. A wszystko poszło od przewrażliwionych „wysoko postawliennych czynowników” i nacisku politycznego* (лит. род. падеж *pažeidimo įvykio ir sudėties* «факта и состава нарушения», русс. род. падеж *высокопоставленных чиновников*)

Процесс адаптации чужого слова в языке-реципиенте зависит от факторов экстралингвистических – от его номинативности, частоты его употребления, его коммуникативной функции и чисто лингвистических – от морфологических различий между языками. Прежде всего его освоение обусловлено возможностью включения иноязычного слова в парадигматические отношения заимствующего языка.

Поскольку типологически польский, русский и литовский языки очень близки, включаемые в польскую речь русские и литовские слова, хотя часто сохраняют исходную морфологическую форму, обычно однако вписываются в синтаксические связи польского текста, срав.:

[4] *Brawo Litwo! Tyś pierwsza zrozumiałaś, że bez NAUCZNOGO KOMMUNIZMA nam nie ma przyszłości* (русс. род. падеж *научного коммунизма*)

Следующий этап освоения иноязычного слова – это его включение в соответствующую флексийную парадигму. Как показывает практика, такой адаптации чаще подвергаются имена существительные, а реже прилагательные и глаголы. В классе существительных – те слова, которые можно включить в парадигматические отношения польского языка, а именно русские и литовские существительные женского рода с окончанием –а и русские мужского рода с нулевым окончанием, например *шланг* в прим. 5, срав.:

[5] *Nie wiem, w jaki sposób z panem rozmawiać, do tego jak widzę chyba udaje, jak po rosyjsku mówią prikidywajetsia szlangiem* (русс. *прикидываться шлангом*)

Гораздо сложнее происходит процесс грамматического освоения литовских имён существительных мужского рода с окончаниями –as, –us, –is, –ys. В славянских языках в этом случае можно используют два различных приёма. Первый – это замена литовского окончания соответствующим польским, второй – включение литовской грамматической морфемы –as, –us, –is, –ys в основу слова⁴. В рассматриваемом материале мы имеем дело с сохранением литовских окончаний именительного падежа во всей парадигме. В результате появляются гибридные формы с двойными грамматическими морфемами, например:

[6] *Oł, po prostu naszym sejmunasom właśnie 1940 wydaje się najwygodniejszy. A czy to ma sens?* (лит. *seimūnas* «член сейма»)

[7] *Pozostaje wiara, że nauczą się nastawiać uszy we właściwym kierunku, większość manifestantów to poczciwi ludzie, i tylko imbecyl do kwadratu by ich nie zauważył – będąc głuchym na wołanie kochającego swój kraj tautietis'a* (лит. *tautietis* «земляк»)

Функциональная характеристика иноязычных вкраплений

Вопросы, связанные с функциональной характеристикой иноязычных слов, по-разному решаются в разных лингвистических школах. В польской контактной лингвистике, изучающей польский

⁴ В литовском склонении эти окончания в косвенных падежах переходят в другие, к примеру лит. И. – Valdas Adamkus, Р. – Valdo Adamkaus. При склонении литовских собственных имён в славянских языках литовское окончание становится частью основы, ср. русс. И. – Валдас Адамкус, Р. – Валдаса Адамкуса, или пол. И. – Valdas Adamkus, Р. – Valdasa Adamkusa.

язык зарубежья, принято выделять: а) вкрапления, мотивированные потребностью номинации местных реалий, не имеющих названия в родном языке; б) вкрапления, мотивированные социокультурными факторами, доминирующей языковой средой; они касаются обычно социального и культурного пространства, в котором преобладает государственный язык, язык большинства; в) вкрапления, мотивированные стилистически (Sełowska 1994: 70–71). В русской лингвистике, рассматривающей те же вопросы, выделяются три основные функции иноязычий: а) номинативная, с привлечением прагматических коннотаций; б) функция самовыражения, самоутверждения; в) экспрессивно-стилистическая (Земская 2001: 184–199). Как показывают исследования русской речи в Литве мотивация включения в родную речь иноязычных вкраплений может быть ещё более разнообразной (Авина 2006: 102–105).

В анализируемом материале мы выделяем следующие три функциональных вида иноязычий. Первая группа вкраплений удовлетворяет **номинативную** потребность языка. Это касается безэквивалентной лексики, так называемых экзотизмов – лексики, связанной с реалиями быта, этнографическими и национально-культурными особенностями, социально-политической жизнью, – которые не имеют точных аналогов в иной культуре и ином языке, например:

[8] *Pamiętam, jak w czasach harcowania **sajudisu**, spawano koła wagonów kolejowych do kolei z mięsem i innymi towarami, ażeby nie trafiły do Rosji. Była to tak zwana "blokada" Rosji* (лит. *Sajūdis* «национальное движение, которое появилось в Литве в 1988 г. накануне провозглашения независимости»)

Это также в широком смысле собственные имена: не только топонимы и антропонимы (имена и фамилии), но также названия радио- и телепередач, газет и других периодических изданий, учреждений, праздников, мероприятий и др., например:

[9] *Jednak niech mi ktoś wytłumaczy, czym różni się poziom takiej pisaniny od np. programu w naszym słynnym **Ruskoe Radio*** (рус. *Русское радио* «название радиостанции»)

Сфера функционирования иноязычных собственных имён очень широка – они характерны не только непринужденной устной речи, но и более официальной сфере общения (Sokołowska 2004: 113–118), а также средствам массовой информации.

Когда в ситуации многоязычия в какой-то сфере преобладает один язык, кажется, что именно слово этого языка помогает говорящему и адресату быстро и однозначно осуществить референ-

цию к конкретному объекту или явлению. В обоих случаях – и когда перевод представляет собой затруднение, и когда он очевиден, в непринужденной устной речи первенство отдаётся иноязычиям. Лингвисты, изучающие двуязычие, обращают внимание на то, что вкрапления из другого языка имеют добавочный семантический компонент (Wierzbicka 1995: 148). Литовское слово содержит сему «литовский, свойственный литовцам или литовской среде», русское же – «русский/российский, свойственный русским и русской среде». Поэтому литовские вкрапления сигнализируют – в прим. 10, что речь идёт о агентствах занимающихся недвижимостью именно в Литве, в прим. 11 – что это литовские языковеды, а русские вкрапления в прим. 12 переносят нас в Литву советского периода, когда в общественной сфере доминирующим был русский язык, ср.:

[10] *Oszukano tych najbiedniejszych, szczególnie młodych. Watpie, że od bogaciuchów wywrą forszę. Lobiści firm „nekilnojamas turtas” nie pozwolą* (лит. *nekilnojamas turtas* «недвижимое имущество»)

[11] *Problem w tym, że i Miłosz, i Mickiewicz są dla Litwy według koncepcji lituanistów (...) nie do przyjęcia. Bo tworzyli po polsku, identyfikowali się z Polską, nie wiadomo, czy znali litewski (pod tym względem nawet Piłsudski jest koncepcji Litwina według „kalbininkasów” bliższy) i tak dalej* (лит. *kalbininkas* «языковед»)

[12] *Widać jesteś młodym człowiekiem, że nie pamiętasz tych czasów, że na cały dom był jeden **szczotczik w podwalie**. A w mieszkaniu tylko goła rura* (русс. *счётчик в подвале*)

Большое значение для закрепления иноязычного слова и его **референциальной** функции имеет его визуальность: литовские названия учреждений и их отделений, наименования употребляемые в профессиональной и официально-деловой сфере, с которыми поляки в Литве сталкиваются чаще всего в письменном виде на литовском языке, в их родной разговорной речи тоже обычно приводятся по-литовски, например:

[13] *No jeżeli znaki drogowe nie są napisami informującymi, to wtedy nazwy ulic są „wiešieji užrašai”* (лит. *viešieji užrašai* «городские наименования»)

Очень часто иноязычные вкрапления используются как средство **экспрессии**. Во-первых в этой роли выступают слова, имеющие экспрессивную стилистическую окраску уже в языке-источнике, например:

[14] *A w ogóle to do tej Twojej filozofii jak ulał pasuje rosyjskie powiedzenie: „bried siwoj kobyły”* (русс. *бред сивой кобылы*)

[15] *Może znasz takie rosyjskie przysłowie „golj na wydumku chitra”? Pasuje do Ciebie?* (русс. *голь на выдумку хитра*)

[16] *Młodzież, która nie chce, czy nie potrafi wysłowić się po polsku, nie rzadko ma rodziców, którzy ukończyli szkoły rosyjskie, a jabłko od jabłoni niedaleko pada, po rosyjsku „s kiem powiedzioszsia, od tego i nabierieszia”. Smutne, ale prawdziwe* (русс. *с кем поведёшься, от того и наберёшься*)

Некоторые из них могут восполнять стилистические лакуны польского языка, например, трудно подобрать польские идиомы соответствующие русским выражениям *бред сивой кобылы* (см. прим. 14) или *голь на выдумку хитра* (см. прим. 15). Даже в случае существования таких эквивалентов, они могут быть говорящим незнакомы или менее точны и закреплены в их речи. Поэтому иноязычные вкрапления могут использоваться вместо соответствующих фраз родного языка, например русская пословица *с кем поведёшься, того и наберёшься* вместо польской *kto z kim przestaje, takim się staje*. Пример 16, в котором автор сразу приводит образно выражающую его мысль польскую пословицу *jabłko od jabłoni niedaleko pada* (русс. *яблоко недалеко падает от яблони*), а потом близкую по смыслу русскую, может свидетельствовать, что в его сознании имеенно вторая является более выразительной⁵.

Во-вторых, даже стилистически нейтральные иноязычные слова, в силу своей контрастности, в польской речи обретают

⁵ Использование экспрессивных вкраплений характерно разговорной речи в целом, но – её субкультурным вариантам в особенности. Исследования показывают, что в условиях многоязычия использование словообразовательных средств в экспрессивных целях довольно непродуктивно. Отсутствие дериватов с экспрессивной окраской восполняет заимствование лексики из других языков. Материал представленный в магистерской работе М. Оленьской (M. Oleńska, *Słownictwo socjolektu młodzieżowego w Wilnie*. - 2007) свидетельствует, что в современном польском молодёжном жаргоне почти половину лексики составляют заимствования из русского языка. На этом фоне литуанизмы и англицизмы играют в сленге очень незначительную роль – соответственно 2,3% и 2,5%. При чём сравнительный анализ показывает, что за последние 10 лет, в течение которых укрепилась позиция литовского языка в общественно-политической жизни, и – благодаря открытию западных границ – усилилась мотивация к изучению английского языка, в процентном отношении число сленгизмов литовского и английского происхождения совсем не увеличилось, зато русские заимствования представлены ещё большим числом. Это можно объяснить – о чём сказано было выше – большой популярностью и доступностью в Литве русскоязычной массовой культуры. Надо отметить, что это влияние в той же степени касается литовской среды и литовского жаргона, в котором широко функционируют такие слова, как *bazarinti* «разговаривать», ср. рус. *базарить*, *mobiliakas* «мобильный телефон», ср. рус. *мобиляк*, *pabarabanu* «всё ровно», ср. рус. *по барабану*, *tusintis/ tusavotis*, ср. рус. *тусоваться*, *benzokolonkė* «бензоколонка» (Zaikauskas 2007).

экспрессивную окраску. Отличаясь на фоне другого языка, они обращают на себя внимание, подчеркивают шуточный или иронический смысл выделенного слова, например:

[17] *Nie wierzę... jeszcze się opłaci, bo „dobrodziejatieli” z naszego rządu coś wymyślą... by się opłaciło jechać tam* (рос. добродееатель)

[18] *Inni to [имеется в виду членство кандидатирующих в сейм Литовской республики до 1990 г. в КПСС] dyskretnie umalczowali ... [реплика следующего участника форума] A kto umalczal?* (русс. умалчивать)

[19] *Zawsze mamy pod ręką przykłady głupoty narodowej Lietuvisów. Emilia Plater zawsze się podpisywała E. Plater lub E. Platerówna* (лит. *lietuvis* «литовец»)

Иноязычия могут использоваться также для выражения других **прагматических** коннотаций. Б. Синочкина (2000: 93), исследующая язык русскоязычных средств массовой информации в Литве, показывает, что вкрапление из другого языка может быть скрытой цитатой, которая привносит в повествование голос «другого», давая тем самым основание для диалога или полемики, выражения авторского отношения к сообщаемому. Например, русское выражение *исконно русские земли* в прим. 20 отражает официальную российскую точку зрения, приводя её в оригинальном звучании, автор отстраняется от этого мнения, ср.:

[20] *Taka gadka o „iskonno ruskije ziemi” to raczej idzie od strony Moskwy. Tylko oni raczej nie chcą restaurować, ale czołgami pojeździć* (русс. *исконно русские земли*)

Введение в прим. 21 русских слов позволяет не только перенести читателя в российское пространство, но одновременно передать некоторые черты менталитета, свойственные определённой социальной прослойке русских, ср.:

[21] *Siedzi sobie chłopina w chałupie w powyciąganym dresie kupionym na baracholce i ogląda wiadomości w TV, jak to matuszka Rosja znowu dała bobu Litowcom, twarz jego rozjaśnia uśmiech i radość, niech się Litowcy mlekiem swoim udławiają i tupa stakan płynu rozwesalającego, bo Rosja mocarstwo...* (русс. *Вести* «название русской информационной программы», *матушка Россия*, *литовец*, *стакан*)

В комментарии к статье, которая рассказывает о том, что национализированная после войны собственность графа Тышкевича в независимой Литве во время приватизации перешла к другому собственнику, противопоставляя единые по смыслу слова *Litwin* и *Lietuvis*, автор выражает своё негодование по поводу этого факта, ср.:

[22] *Cóż, Lietuvis okradł Litwina z ojcowizny. Czemu tu się dziwić?* (лит. *lietuvis* «литовец»)

Выводы

Используя в своей польской речи лексические вкрапления из литовского и русского языков, жители Вильнюсского края, демонстрируя таким образом своё многоязычие, проявляют своего рода коммуникативную стратегию солидарности. Такое речевое поведение преобладает в свободной разговорной речи, является признаком раскованности общения.

В роли вкраплений появляются отдельные лексические единицы, а также свободные словосочетания и крылатые слова. Как русские, так и литовские иноязычия могут сохранять первоначальную форму или подвергаться морфологической адаптации.

Иноязычия исполняют определенные коммуникативные функции. «Инкрустация» ими высказываний происходит осознанно, имеет творческий характер. В анализируемом материале можно выделить их номинативную, референциальную и прагматическую, включая в неё и экспрессивную, функции.

Использование лексических вкраплений свидетельствует о межкультурном взаимодействии в многоязычном обществе, которое можно определить как социокультурную интерференцию. Использование в польском региолекте литовских слов, связанных с устройством политической и общественной жизни, показывает естественное в ситуации национального меньшинства влияние официальной государственной культуры. Многочисленные русские вкрапления, используемые чаще всего как средство передачи экспрессивного восприятия окружающего мира, указывают на связь с русским менталитетом. Хотя преобразования в разных сферах общественной жизни как в Литве, так и в польской метрополии, осуществляются по западноевропейским образцам, в коммуникативном сознании поляков, проживающих в Литве, довольно выразительно проявляется тяготение к русской культуре и к русскому юмору.

ЛИТЕРАТУРА

Авина Н. Родной язык в иноязычном окружении (на материале русского языка в Литве) / Н. Авина. – М.: ООО «Издательство „Эллис“», 2006. – 315 с.

- Лихачева А. Коммуникативное сознание жителей Литвы как отражение социокультурной интерференции / А. Лихачёва // Русский язык в культурно-коммуникативном пространстве Новой Европы / Ред. Ю. Е. Прохоров. – Рига: Балтийский Русский институт, 2005. – С. 234–242.
- Синочкина Б. О некоторых новых тенденциях взаимодействия лексики русского и литовского языков / Б. О. Синочкина // Русский язык для детей 3–10 лет: воспитание и обучение в ситуации двуязычия / Сост. Е. Ю. Протасова. Хельсинки, 2000. – С. 89–94.
- Земская Е. А. Общие языковые процессы и индивидуальные портреты / Е. А. Земская // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты / Отв. Ред. Е. А. Земская. – Москва–Вена: Языки славянской культуры : Венский славистический альманах. – С. 25–338.
- Sękowska E. Język zbiorowości polonijnych w krajach anglojęzycznych. Zagadnienia leksykalno-słotwórcze / E. Sękowska. – Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994. – S. 184.
- Sokołowska H. Wielojęzyczność a umiejętności komunikacyjne uczniów szkół polskich na Litwie / H. Sokołowska. – Warszawa: Dom Wydawniczy „Elipsa”, 2004. – S. 296.
- Wierzbicka A. Indeksowanie cytatów z języka polskiego w tekstach angielskich i włoskich / A. Wierzbicka // Język polski w kraju i za granicą / Red. B. Janowska, J. Porayski-Pomsta – T. II. Warszawa: Dom Wydawniczy „Elipsa”, 1997. – S. 145–154.
- Zaikauskas E., Lietuvių žargono žodynėlis. Kalbos paribiai ir užribiai / E. Zaikauskas. – Vilnius: Alma Littera, 2007. – 192 p.

Lithuanian and Russian Lexical Parentheses in Polish Regional Dialect of Lithuania as Reflection of Socio-Cultural Interference

Summary

The article analyses linguistic data collected from the reader forum of the online version of the Polish-language Lithuanian daily newspaper 'Kurier Wileński' in the period of 2008-2009. The forum presents a frequent usage of Polish and Lithuanian parentheses such as separate lexical items, free and idiomatic collocations, and familiar expressions. The article aims at demonstrating that in multilingual and polysemantic environment lexical parentheses fulfil certain communicative function (nominative, referential, pragmatic) and appear to be a reflection of socio-cultural interference.

Keywords: *the Polish language, regional dialect, lexical parentheses, socio-cultural interference.*